

— Да, из мирской пыли пришёл, в мирскую пыль и вернётся. Даже Будда не смог его удержать, а уж твои правила и подавно. — Старый монах открыл глаза и вздохнул. — Жаль только, храмовые пожертвования опять, блин, упали до прожиточного минимума.

Настоятель зала возвёл очи горе:

— Настоятель... кроме денег вы в глаза ничего больше не видите?

— Вижу. Хотя я и сижу здесь целыми днями без дела, но часто вижу то, чего ты не видишь.

— Что же?

— Глянь. — Старый монах осклабился, указывая на стену.

— В этом году мэйхуа наконец зацвел.

— Мэйсюэ... У Мэй... Святой монах... Не мог бы ты, из милосердия, оставить мне хоть глоток? Хоть один глоток...

У подножия горы Мэйшань в Цзянлине, на восточной лесной заснеженной тропе, среди белой пелены ледяного тумана две фигуры шли плечом к плечу, пробиваясь сквозь ветер и снег.

— Я столько времени был воздержанным, а тебе не стыдно со мной соперничать? — Инь Мэйсюэ уже вернулся к мирскому облику: на голове ватная тёплая шапка, на ногах широкие войлочные сапоги, одет в тяжёлую парчу. Он бросил на кого-то взгляд, запрокинул голову и вылил последнюю каплю вина «Девичья краса» в рот.

— Ты, жадный волк-одиночка... — Линь Чжэнсюань, мучимый жаждой, набросился на него, яростно присосавшись к его губам, а затем неожиданно был укушен этим волком.

Прижимая окровавленную губу, Линь-дася печально стоял в унылом ветру и снегу и внезапно прозрел: Чёрт, кажется, я себе нашел жену, которую не могу одолеть. Как же жить дальше? Верх прикрывать, низ прикрывать?

— Впереди уже почти город, можно ещё купить.

— Денег нет. — Линь Чжэнсюань развёл руками. — Разве не видел, я даже меч заложил?

Инь Мэйсюэ с презрением посмотрел на него:

— Помнится, вчера ещё кто-то говорил, что будет меня содержать. Ты же, в конце концов, держал две чашки риса — в Союзе боевых искусств и в школе Суншань, как же ты скатился до

уровня Братства нищих?

— Две чашки, да обе дырявые — какой толк? Эх, столько лет накопил три тысячи лянов, а в обмен получил кусающегося и лягающего в пах волка...

Инь Мэйсюэ смущённо кашлянул, отвернулся и устремил взгляд вдаль, как раз увидев на дороге низкорослую фигурку, поднимающуюся по ступеням. Судя по одеянию, похоже на девушку.

На той девушке была вышитая мелкими цветочками стёганая куртка и юбка, сверху наброшен сиреневый плащ, на голове простые косы, перевязанные красной верёвочкой, в руках корзинка из бамбука — выглядела как милая, чистая деревенская девушка.

Но, приглядевшись, оба невольно ужаснулись... Да это же юная госпожа Юэ из дворца Чжэнъян?!

Битва с демонами у Врат Преисподней, весть о том, что Тан Гули и Юэ Чжо сорвались со скалы, уже давно облетела весь Союз боевых искусств. Никто и не думал встретить её здесь. Линь Чжэнсюань в неверии застыл на каменных ступенях: эта девчонка — человек или призрак? Как она здесь оказалась?!

— О? Братец Линь, братец Инь, что вы здесь делаете? — Юэ Чжо тоже не ожидала случайно встретить в Цзянлине знакомых и от радости опередила с вопросом.

— Э-э, мы тут... за благовониями... — невнятно пробормотал Линь Чжэнсюань. — Госпожа Юэ, ты же... слышали, ты со скалы сорвалась? — Он ранее, провалив засаду на Чи Юэ, по неосторожности позволил этой девчонке попасть в руки того злодея и всё это время чувствовал перед Юэ Чжо вину.

— Братец Тан спас меня, поэтому я не пострадала, но он сам из-за этого до сих пор в тяжёлой коме. Я сегодня как раз в храм пришла помолиться за него, чтобы поскорее очнулся.

— Тан Гули тоже жив?! Это же прекрасно, веди нас скорей к нему.

Выражение лица Юэ Чжо стало несколько нерешительным:

— К нему-то можно, только там ещё один человек есть...

Вихрь крутил пепел, море огня покрыло небо.

Куда ни глянь — всюду палящий кроваво-красный цвет, густой дым настигал от самого входа в потайной ход, перехватывая дыхание в горле и носу. Температура вокруг становилась всё выше, казалось, чувствуешь, как поверхностная кожа понемногу плавится, обнажая плоть, кровь, сухожилия и кости, а затем быстро обугливается, испуская тошнотворную вонь горелой плоти.

Вот почему Тан Гули никогда не ел жаренного на огне.

Кто бы ни был, стоит лишь раз пережить опыт поджаривания, и этот запах запомнится на всю жизнь, одно лишь обоняние способно вызвать мгновенную рвоту.

Поэтому сейчас он очень хочет проснуться от кошмара, открыть глаза и посмотреть, какой же негодяй рядом что-то жарит?!

Из красной глиняной печки то и дело вырывались оранжевые языки пламени, вертел с лучёной уткой уже стал золотисто-красным, блестящим и маслянистым.

Увидев, как утиная кожа потрескивает, вот-вот выпуская масляные капли, Су Юйху изящно взял маленькую кисточку, обмакнул в кунжутное масло и покрыл им всю тушку — в комнате мгновенно разлился хрустящий аромат. Он сглотнул слюну, с наслаждением нарезая мясо маленьким имбирным ножом, как вдруг услышал за спиной невнятное ругательство и чуть не порезал руку.

— Ц-ц, племянничек, ты наконец очнулся, не просыпайся — пришлось бы тебя закапывать.

Тан Гули открыл глаза и обнаружил, что погребён во тьме.

— Я... ослеп?

— Нет, у тебя шейные позвонки сломаны, я три месяца чинил. — Су Юйху смущённо кашлянул.
— Только во время починки немного перебрал, и случайно приделал голову задом наперёд.
Хороший, повернись поговорить.

— ...

Тан Гули перевернулся и увидел, как этот исчадие ада улыбается, словно тысячелетняя лиса.

Едва взглянув на его лицо, Су Юйху тут же застыл:

— Хороший, может, всё-таки повернись обратно?

Тан Гули:

...

— Та девчонка сорвала с тебя маску, мне опять придётся новую делать. — Су Юйху повернулся и начал рыться в аккуратно снятых целых человеческих кожах. — Хорошо, что городской глава Юнь щедро снабдил меня материалом, как тебе эта? Кожа с задницы какая нежная и упругая!

Тан Гули:

... Боже, лучше бы я умер.

Руки заняты делом, а рот не останавливается:

— Кстати, племянничек, ты что, старшего мастера из секты Врат Преисподней соблазнил?

Тан Гули поперхнулся:

— С чего бы это?

— Ведь тебя вместе с госпожой Юэ он и доставил. Я смотрю, тот парень за тебя очень переживал.

— Что?!

В этот момент у входа послышался звук отодвигаемых занавесок из бусин, за золотой нефритовой ширмой появилась стройная и холодная фигура, кончики бровей и края одежды несли зимнюю ледяную стужу.

— Ни хрена себе! Что за нечисть? — Внезапно увидев человека с головой, вывернутой задом наперёд, да ещё и с ужасающим лицом, Хэ Буцзуй чуть не опьянел от страха.

— Это ты! — В глазах Тан Гули вспыхнул огонь ненависти, он пристально смотрел на него. — Почему старший мастер спас меня? Не боится, что я убью тебя?

— Ты, блин, ходить-то задом наперёд будешь, чем меня убивать? — Хэ Буцзуй фыркнул носом. — Мордой напугать до смерти?

Тан Гули приуныл. Неужели теперь и вправду придётся убивать лицом?

Хэ Буцзуй, видя его молчание, сухо кашлянул:

— Вообще, можешь попробовать, как Ху Чэдань, бороду отрастить, лицо немного прикрыть.

— Какую бороду?

— Таковую, чтобы только глаза были видны.

— Да иди ты...

Су Юйху к этому времени уже вернулся к печке жарить вторую утку и, услышав звуки, обернулся:

— Гули, ты только что очнулся, тело ещё слабое, не ссорься.

Тан Гули замолчал.

— Если что-то не так — просто подеритесь.

Тан, Хэ:

...

Хэ Буцзуй достал из-за пазухи помятое письмо и протянул. Тан Гули, прочитав, тоже изумился:

— Как это дядя заподозрил, что ты его сын? Как в семье Тан мог родиться такая бессердечная тварь!

Хэ Буцзуй повернулся к Су Юйху:

— Скажи, где мне его ударить, чтобы не убить?

Су Юйху внимательно обдумал:

— Волосы...

— ...

Тан Гули холодно произнёс:

— Если ты и вправду Тан Ляньцзюэ, значит, ты признал врага отцом, предал семью, стал прихвостнем Чи Юэ и собственноручно убил родного отца. Что за скотина!

Су Юйху дрогнул рукой, и жареная утка с шумом плюхнулась в печь.

Чёрт, лучше бы он не просыпался.

Хэ Буцзуй закрыл глаза и прислонился к стене. Видно, Тан Гули тоже не в курсе дела. Надеюсь, Тан Яньлун ошибся, небеса не могут быть такими жестокими.

— Хэхэ... — Стоящая у печи спина, казалось, застыла во времени давних снов. Су Юйху медленно произнёс:

— Вообще, и внешностью, и характером ты очень похож на Лунлуна в молодости.

Конечно, больше всего сходства в уме.

— Что?! — Хэ Буцзуй и Тан Гули одновременно подняли головы.

— В те годы он влюбился в девушку из демонического клана, ради неё не побоялся порвать с семьёй Тан, ценой одного глаза покинул секту Тан и сбежал с той женщиной. Потом они поселились в горах, муж пахал, жена ткала — жили вольно, и вскоре родился ребёнок, назвали Тан Ляньцзюэ.

Хэ Буцзуй с жадностью спросил:

— А дальше?

<http://bllate.org/book/15303/1352406>